

КОНФЕССИОНАЛИЗМ В ЛИВАНЕ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО КРИЗИСА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ПОРА НА ПОКОЙ? CONFESSIONALISM IN LEBANON IN LIGHT OF CONTEMPORARY CRISIS OF STATEHOOD: TIME TO LEAVE?

© 2024 **Олег Алиевич Рустамов**

Магистрант программы «Экспертно-аналитическое востоковедение. Арабский мир в мировой политике», реализуемой совместно Государственным академическим университетом гуманитарных наук (ГАУГН) и Центром арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН при участии Российского совета по международным делам (РСМД).
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
oleg-rustamov29@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0001-9950-7690

Oleg Rustamov

Master's Degree Student of the program "Expert and Analytical Oriental Studies. The Arab World in World Politics", implemented jointly by the State Academic University of Humanities (GAUGN) and the Center for Arab and Islamic Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences and with the participation of the Russian International Affairs Council (RIAC).
State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia
oleg-rustamov29@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0001-9950-7690

В 2019 г. в Ливане разразился беспрецедентный кризис, проникший во все сферы жизни общества и продолжающийся до сих пор. Девальвация национальной валюты, энергетический коллапс, паралич банковской системы, непрекращающиеся перебои в работе системы электроснабжения и, как следствие всего, тотальный подрыв доверия к политической элите страны. Одной из фундаментальных причин, сделавшей возможным подобное развитие событий, является действующая в стране система конфессионализма. В рамках данной работы мы обратимся к теоретическим основам специфического примера консоциальной демократии в Ливане и того, как проходила практическая эволюция становления ливанского конфессионализма. В статье будет уделено внимание истокам и проявлениям современного кризиса государственности в Ливане в контексте существования конфессиональной системы. В заключении будет дана аналитическая оценка конфессионализма, а также его перспектив как системообразующего принципа ливанской политической жизни.

Ключевые слова: ливанский кризис, конфессионализм, революция 17 октября, протесты, консоциализм, элиты

Для цитирования: Рустамов О. А. Конфессионализм в Ливане в свете современного кризиса государственности: пора на покой? *Восточный курьер / Oriental Courier*. 2024. № 1. С. 120–133. DOI: 10.18254/S268684310030190-7

An unprecedented crisis that penetrated into all spheres of society broke out in Lebanon in 2019 and continues to this day. The devaluation of the national currency, the energy collapse, the paralysis of the banking system, the incessant interruptions in the operation of the power supply system and, as a result, the total undermining of credibility of the country's political elite. One of the fundamental reasons that made such a development possible is the current system of confessionalism in the country. In this paper, we will turn to the theoretical foundations of a specific example of consociational democracy in Lebanon and how the practical evolution of the formation of Lebanese confessionalism took place. The article will focus on the origins and manifestations of the modern crisis of statehood in Lebanon in the context of the existence of a confessional system. In conclusion, an analytical assessment of confessionalism, as well as its prospects as a system-forming principle of Lebanese political life, will be given.

Keywords: Lebanese crisis, confessionalism, October 17 revolution, protests, consociationalism, sectarianism, elites

For citation: Rustamov Oleg A. Confessionalism in Lebanon in Light of Contemporary Crisis of Statehood: Time to Leave? *Oriental Courier*. 2024. No. 1. Pp. 120–133. DOI: 10.18254/S268684310030190-7

В октябре 2019 г. в связи с деградирующей финансово-экономической ситуацией и немелкими действиями правительства Ливанскую Республику (ЛР) охватила волна крупномасштабных антиправительственных выступлений. Широчайшие протесты продемонстрировали наличие системных проблем, толерантность к которым у ливанского общества исчерпалась. Манифестации явились исходной точкой всестороннего социально-экономического и полити-

ческого кризиса в Ливане, продолжающегося и по сей день. Основным посылом витка социальной напряженности стал лозунг «Долой!», обращенный к «правлящей ливанской элите, базирующейся на конфессионально-клановой основе» [Воробьев, 2021, с. 10–11].

В ответ на пестрый конфессиональный состав населения в Ливане сложилась самобытная система политического конфессионализма¹. Однако ввиду непосредственного влияния сис-

¹ Так обозначается специфичный аспект политической системы Ливана, предполагающий распределение власти (power sharing) между основными конфессиональными общинами страны.

темы на жизнь прогрессивная ливанская общественность полагает этот принцип анахронизмом, тогда как определенные слои населения видят в конфессионализме гарантию представленности собственных взглядов и не готовы от него отказаться [Керимов, 2021, с. 375–376].

В современном Ливане присутствует определенный кризис доверия по отношению к элите страны. Направлено ли это недоверие напрямую на конфессиональную систему — вопрос дискуссионный, однако никто не ставит под сомнение то, что современный политический класс страны — плод творения границ, выстроенных конфессионализмом.

Отсюда насущность работы, обусловленной состоянием политической неопределенности, тянущейся с 2019 г., когда «страна кедров» столкнулась с серьезнейшими вызовами: с катастрофической девальвацией валюты и галопирующей инфляцией; с взрывом в бейрутском порту, повлекшим за собой 13-месячный правительственный кризис; с беспрецедентными проблемами с энергетическим обеспечением населения и т. д.

В статье будет предпринята попытка аналитического осмысления современного кризиса в Ливане в контексте упадка конфессиональной системы. Мы рассмотрим теоретические основания специфической формы консоциальной демократии, обратимся к истокам и проявлениям нынешнего кризиса, попытаемся отразить взаимовлияние коллапса государственности и политической системы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЕССИОНАЛИЗМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Академик В. В. Наумкин объясняет рост общей конфликтности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), представляя страны региона как пример в рамках теории глу-

боко разделенных обществ (ТГРО), где определяющим фактором политической нестабильности государства является фрагментированность его общества. Членение на несколько заметных социальных групп, выделяемых, прежде всего, на основе этнической и конфессиональной принадлежности, часто ведет к антагонизму между ними. Там, где этот антагонизм достигает апогея, а общества характеризуются как те, где «конфликт проходит по присущим им глубоко укорененным и повторяющимся линиям разлома, создающим потенциал насилия между сегментами», они зовутся глубоко разделенными обществами (ГРО) [Guelke, 2012, p. 30]. Одним из видов «прививки» от «диагноза» ГРО российский востоковед называет консоциалистский² подход [Наумкин, 2015, с. 69].

Научная категория «консоциализма» разрабатывается американским политологом А. Лейпхартом как способ стабилизации глубоко разделенных обществ, охваченных «дестабилизирующим эффектом социальной сегментации» [Lijphart, 1969, p. 207–211]. В своей первой статье на рассматриваемую тему автор замечает, что находящиеся в одном обществе культурные группы с различными взглядами и интересами способны сосуществовать без вступления в конфликт, при этом само его потенциальное возникновение порождается соприкосновением их между собой. Соответственно, разумное решение — размежевать и оставить во взаимной изоляции эти общности, обезопасив внутривнутриполитическую ситуацию, ибо прочные «социальные барьеры делают хорошими политическими соседями», т. к. «своего рода добровольная политика апартеида», понимаемая как добровольная обособленность и сегрегация, является наиболее подходящей формой социального устройства глубоко разделенных обществ [Lijphart, 1969, p. 219–220]. По мнению Лейпхарта, государством должен управлять конгломерат элит, т. е. элита каждой

2 Консоциализм /консоционализм — термины для обозначения политологического понятия «консоциальной /консоциальной демократии» («сообщественной демократии»). В русскоязычном дискурсе эти слова и словосочетания используются как равнозначные.

значительной сегментной группы, которые стремятся удерживать стабильную демократию в обществе с фрагментированной политической культурой [Lijphart, 1969, p. 216].

В классическом труде «Демократия в много-составных обществах: сравнительное исследование» Лейпхарт из всех стран БВСА отнес именно Ливан к кейсу консоциально выстроенных политических систем, характеризуя его как «относительно успешный» [Lijphart, 1977, p. 5], выделив четыре характерные черты консоциальных систем: вовлеченность всех социальных групп в управление государством; взаимное вето на принятие основных решений у этих групп, особенно благодаря наличию права вето у меньшинства; пропорциональность представленности в системе принятия решений и в сфере занятости, и в органах государственной власти; и автономия сегментов, предполагающая самоуправление в рамках сегментной группы [Lijphart, 1977, p. 21–41].

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЕССИОНАЛИЗМ: ПРОЦЕСС СТАНОВЛЕНИЯ

Формирование конфессиональной системы во многом предопределяли естественные исторические причины — сосуществование на сравнительно небольшой территории нескольких конфессиональных общин. Первым политическим институциональным закреплением этого факта стал принятый в начале 60-х гг. XIX в. закон об ограниченной автономии Горного Ливана — мутасаррифийа. В соответствии с ним Высокая Порта доверяла управление территорией паше-христианину неарабского происхождения. Ассистировал ему выборный совет из 12 человек, в котором были представлены основные ливанские общины (сунниты, шииты, друзы, марониты, православные, греко-като-

лики). Преимущество в совете принадлежало христианам в соотношении 7:5 [Кузнецов, 2017, с. 14]. Таким образом, более чем за 80 лет до освобождения Ливана от французского мандата в стране появилась формализованная практика консультативного правления.

Политический конфессионализм, действующий в Ливане, представляет собой общенациональный консенсус, гарантирующий относительную стабильность в условиях гетерогенного общества. Своего рода «тремя китами», на которые опирается ливанский кейс консоциально выстроенной системы, являются Конституция Ливана 1926 г., Национальный пакт 1943 г. и Таифские соглашения 1989 г.

Основной закон страны от 1926 г. установил две важнейших константы для системы конфессионализма: автономию общины (ст. 9, 10) и соразмерность общинного представительства в органах государственной власти (ст. 24). Статья 9 гарантировала свободу совести, персонального статуса и религиозных интересов представителям любой конфессии, а статья 10 закрепляла право религиозных общин на собственные школы. Статья 24 вводила принципы соразмерной представленности христиан и мусульман в парламенте страны, Палате представителей, а также пропорциональности этой представленности уже не только по линии религиозного размежевания, но и конфессионального, то есть внутри этих «макро-общин». Конкретное распределение мест регулировалось отдельными законами в ответ на демографические изменения вплоть до обретения независимости; соответственно, христиане-мусульмане: 1926 г. — 17:13, 1929 г. — 25:20, 1934 г. — 14:11, 1937 г. — 35:28 [Scheffler, 2001, p. 174].

Национальный пакт от 1943 г.³ закреплял еще один ключевой принцип складывающейся системы — разделение высших государственных постов Ливанской Республики между предста-

3 Национальный пакт (*аль-митак аль-ватани*) — неписанное соглашение между ливанскими общинами и лидерами двух наиболее влиятельных и многочисленных из них (маронитом Бишаром аль-Хури и суннитом Риядом ас-Сольхом) об определенных аспектах политического устройства страны, достигнутое в 1943 г. в ответ на обретение страной независимости от Франции.

вителями двух наиболее влиятельных и многочисленных общин страны. Таким образом, президентское кресло неформально закреплялось за христианином-маронитом, пост премьер-министра — за мусульманином-суннитом. Позже формируется еще один принцип — с 1947 г. место спикера парламента становится закреплено за мусульманином-шиитом [Harris, 2012, p. 198]. Вместе с тем пакт обновил соотношение конфессионального баланса в Палате депутатов — 6:5 (соответственно, христиане-мусульмане).

Наконец, Таифские соглашения⁴, подведшие черту под многолетней гражданской войной, уравнивали представительство христиан и мусульман в Палате депутатов (ст. 24), формализовав в основном законе некоторые положения Национального пакта. Были предприняты шаги в направлении формирования системы сдержек и противовесов для отсутствия у одной общины монополии на принятия политических решений. Так, в Конституцию внесли изменения, и в ст. 65 декларируется, что кабинет министров «принимает решения консенсусом». Если это невозможно, перечисленные «основные вопросы» требуют одобрения двух третей членов правительства [The Lebanese Constitution Promulgated... 1995]. Здесь конституция вводит взаимное вето общин. Кроме того, ст. 19 дает главам официально признанных сообществ право обращаться в Конституционный совет по вопросам гражданского состояния, свободы совести, религиозной практики и свободы религиозного образования [Vogaards, 2019, p. 31–33].

После принятия Таифских соглашений и соответствующих поправок в ст. 95 прописывался временный характер системы политического конфессионализма; отмечалась необходимость отказа от такого подхода к выстраиванию по-

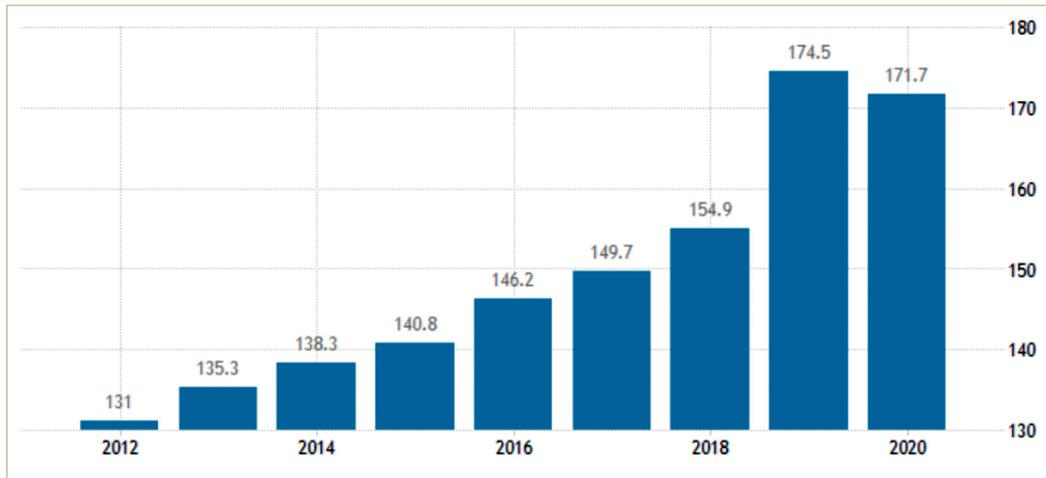
литической жизни страны в пользу общегражданского подхода. Отсылки к этому есть в ст. 24, которая, предвзяя принципы представленности в парламенте, указывает: «до тех пор, пока Палата не примет новые законы о выборах на неконфессиональной основе, распределение мест будет осуществляться в соответствии со следующими принципами...» [The Lebanese Constitution Promulgated... 1995].

Так, если соотнести параметры, заданные Лейпхартом, фактически все они находят применение в ливанской системе политического конфессионализма. Управлением государства в ней занимаются элиты конфессиональных общин, каждая из которых автономна. Вдобавок властные структуры поддерживают пропорциональную представленность разных конфессий в парламенте и органах госвласти, при этом важнейшие вопросы не могут быть решены неконсенсусным путем.

Кризис 2019 г.: ИСТОКИ И ПРИЗНАКИ

Созревшая в Ливане к осени 2019 г. катастрофическая экономическая ситуация спровоцировала рост протестных настроений, стремительно перетекших в широкомасштабные народные выступления. В погоне за получением предусмотренной парижской Конференцией международных доноров Ливана (CEDRE) помощью в объеме 11 млрд. долл. [Irish, Pennetier, 2018] премьер-министр С. Харири был вынужден проводить дорогостоящие преобразования. Параллельно происходила ползучая стагнация экономики. Планомерно увеличившийся государственный долг достиг 86 млрд. долл., что превысило 160% (Илл. 1) от ВВП страны [Кузнецов, 2019а; Кузнецов, 2019б].

4 Пакт национального согласия (*ватик аль-вифак аль-ватани*) / Таифские соглашения (*итифак ат-таиф*) — договоренности, принятые по итогам гражданской войны в Ливане (1975–1990). В документе описывались принципы реформы политических институтов страны, восстановления государственного суверенитета над всеми ливанскими территориями и освобождения от израильской оккупации. Соглашения также предусматривали особые отношения Ливана с Сирией, оговаривалась необходимость отсутствия взаимных угроз безопасности со стороны двух стран.

Илл. 1. Уровень роста государственного долга Ливана в процентном отношении к ВВП в 2012–2020 гг.

Источник: Trading Economics

Fig. 1. Growth Level of Lebanon Government Debt to GDP in percentage in 2012–2020

Source: <https://tradingeconomics.com/lebanon/government-debt-to-gdp>

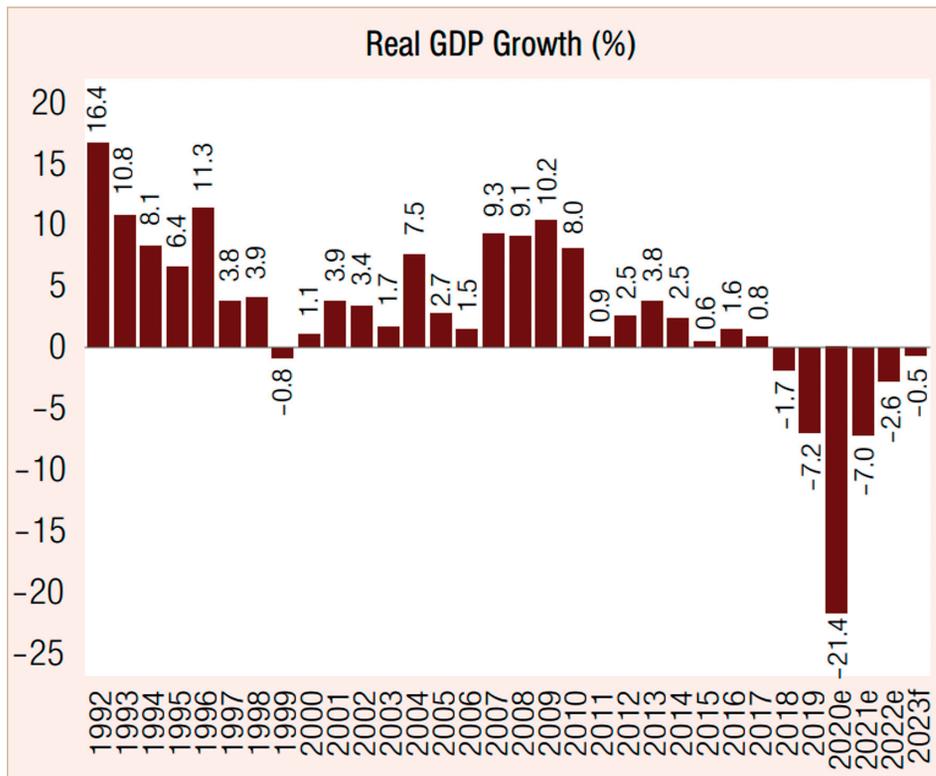
В стране формировался валютный кризис, что крайне нежелательно для Ливана в силу ориентированности экономики на импортную продукцию. Так, по всей стране имели место демонстративные закрытия АЗС в качестве предупреждения о нехватке доллара для закупки сырья [Khraiche, 2019]; с заявлениями о грядущем дефиците продукции выступили импортеры нефти и медикаментов [Protests in Lebanon's Capital... 2019].

В августе ряд агентств понизили финансовый рейтинг государства [Кузнецов, 2019а], ослабив надежность гособлигаций и, следовательно, оттолкнув потенциальных инвесторов. Реальный ВВП Ливана падал на протяжении 2018–2019 гг. на 1,7% и 7,2%, соответственно, что в значительной мере не соответствовало ожиданиям ливанцев, с конца гражданской войны привыкших жить в условиях растущей экономики. Так, с 2011 по 2018 г. рост экономики Ливана составлял в среднем примерно 1,6%, а до этого в среднем 7% (Илл. 2), за предыдущий семи-летний период [Protests in Lebanon's Capital... 2019].

Ливанская лира, находившаяся на протяжении двух десятилетий в фиксированном

состоянии по отношению к доллару США, начала девальвироваться. Вкупе с описанными негативными явлениями, сформировавшими нелегкий экономический климат, в начале октября правительство снизило расходы на социальную сферу (пенсии госслужащих и военных), заявив о планах повышения НДС до 15% к 2022 г., и объявило о введении дополнительных налогов на табак, бензин и мессенджер WhatsApp (и аналоги) [Алексеев, Медведева, 2019], что спровоцировало недовольство населения, захлестнувшее всю страну.

Облик протестных акций оказался отнюдь не типичным для Ливана. Антиправительственные митинги представляли собой стихийные народные выступления без оглядки на конфессиональную принадлежность той или иной части протестного движения и без участия какой-либо конфессиональной силы в качестве ядра протеста [Сарабьев, 2019b]. Из-за неорганизованности больше миллиона ливанцев, вышедших на улицы, не могли выдвинуть конструктивных требований: звучали общие лозунги о борьбе с коррупцией и казнокрадством, призывы к отставке президента, правительства и парламента [Воробьев, 2020, с. 123]. Протестные акции

Илл. 2. **Уровень прироста реального ВВП Ливана в 1992–2023 гг. (%)**. Экономический мониторинг Ливана, весна 2023: нормализация кризиса не путь к стабилизации. Источник: The World Bank. 2023. Р. 4
Fig. 2. **Real GDP Growth Level of Lebanon in 1992–2023 (%)**. Lebanon Economic Monitor, Spring 2023: Normalization of the Crisis is Not the Road for Stabilization. Source: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099518112202340074/pdf/IDU1cbb9a9271d02b14f6a18d8c1cd99718adaaf.pdf>

продемонстрировали глубокое разочарование нынешней политической системой и стали индикатором кризиса системы государственного управления. На фоне народных выступлений выявилось катастрофическое падение авторитета политического класса, не сумевшего справиться с деградирующим положением страны.

Необходимо отметить то, как главные политические силы Ливана отнеслись к волне народного возмущения. В. Джублат, лидер⁵ традиционно дружеской Прогрессивно-социалистической партии (ПСП), призывал к ответу членов кабинета, доведших экономическую ситуацию до краха.

Глава «Ливанских сил» С. Джааджа, один из лидеров маронитской части ливанского общества, придерживающийся довольно ригористических взглядов, поддержал выход из состава правительства четырех сторонников. Шиитский тандем партии Хезболла и движения Амаль декларировал отсутствие необходимости изменения правительства, что вполне логично ввиду высокого уровня представленности собственных сторонников в тогдашнем кабинете [Сарабьев, 2019b]. Премьер-министр С. Харири, представляющий суннитскую общину и лидер движения Мустакбаль⁶, пытался вступить в диалог

5 В мае 2023 г. В. Джумблат объявил об отставке с поста главы Прогрессивно-социалистической партии после 46 лет во главе организации. Пост руководителя партии занял его сын Т. Джумблат.

6 В преддверии парламентских выборов 2022 г. С. Харири объявил о том, что уходит из политики в связи с отсут-

с демонстрантами и предлагал антикризисную программу, потенциально способную ослабить протестный потенциал [Щегловин, 2019]. Его попытки оказались тщетными и 29 октября он подал прошение об отставке, на следующий день принятое президентом страны М. Ауном.

После неудачных попыток выдвинуть на пост премьер-министра крупных предпринимателей, 19 октября его занял профессор Американского университета в Бейруте Х. Диаб. Его кандидатуру поддержал альянс Хезбаллы и движения «Амаль», тогда как консультации с «Мустакбалем» проведены не были [Кузнецов, 2020]. В конце января было сформировано правительство технократов без участия движения «Мустакбаль», партии «Ливанские силы» и ПСП.

С самых первых дней правительство сталкивалось с пугающими экономическими условиями. Курс ливанской лиры упал с 1507 лир в сентябре 2019 г. до 2250 лир за доллар в январе 2020 г. [Кузнецов, 2019b]. В феврале – марте инфляция на продукты питания составила 13% [Беляев, 2020]. самым серьезным вызовом стала необходимость погашения государственных облигаций на сумму 1,2 млрд долл. Осознав невозможность обслуживания долговых обязательств, 7 марта 2020 г. правительство объявило дефолт.

На фоне разрастания масштабов распространения коронавирусной инфекции проблемы, волновавшие народ Ливана, никуда не исчезли. Безработица, перебои в подаче электричества, инфляция, нерешенность «мусорного вопроса» [Сарабьев, 2020] продолжали делать существование жителей некогда «Швейцарии Ближнего Востока» невыносимым. Карантин усугубил и без того трудную ситуацию, ударив по туристической отрасли и смежным предприятиям среднего и малого бизнеса. Треть ливанцев оказались за чертой бедности [Беляев, 2020]. Катастрофическими темпами ослаблялся рыноч-

ный курс лиры к доллару США: март — 2550, апрель — 4000, июль – август — от 6000 до 8000. Ограничения по снятию валюты также ударили по ливанскому населению, часть которого жила на переводы из-за рубежа, а их общий объем составлял 1,3 млрд долларов [Baumann, 2019]. Протесты, затихшие на время жесткого карантина, возобновились с новой силой летом 2020 г.

СОВРЕМЕННЫЙ КРИЗИС

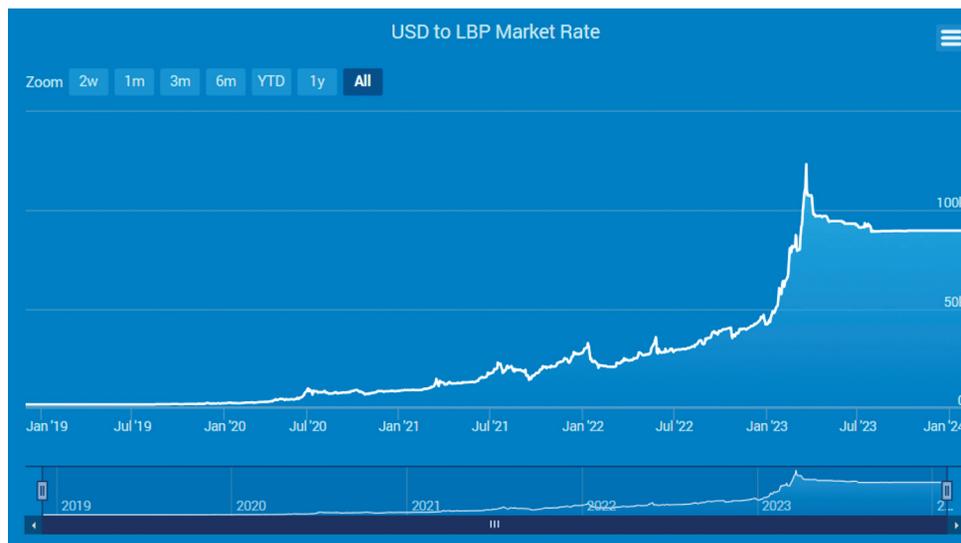
Со времени первого витка нынешнего кризиса Ливан оказывался на разных уровнях неблагополучия, но самой трагичной нотой в ливанских событиях стал взрыв в бейрутском порту 4 августа 2020 г. Унеся жизни более 215 человек и нанеся ужасающий урон инфраструктуре города и ливанской экономике, взрыв стал точкой, после которой экономическое положение страны еще больше ухудшилось. Действующий кабинет ушел в отставку, ознаменовав начало 13-месячного правительственного кризиса, закончившегося лишь в сентябре 2021 г.

Акции протеста стали для Ливана обыденным явлением. Рыночный курс лиры несколько раз пробивал «историческое дно», валюта достигала уровня выше 120 000 лл. за 1 долл. США и фиксировалась на несколько дней в 106 000–108 000 лл. за 1 долл. США. С конца июля 2023 г. по сегодняшний день курс остановился на уровне $\approx 89\,500$ лл. за 1 долл. США, что демонстрирует разницу почти в 6 000% от многолетнего докризисного курса ливанской валюты (Илл. 3).

В стране протекает острый энергетический кризис, который в конце 2021 г.–начале 2022 г., как казалось, начал приобретать обнадеживающие перспективы. Подобная оценка была сопряжена с отменой распространения на Ливан ограничений, налагаемых «законом Цезаря»⁷, а

ствием положительных перспектив. С. Харири фактически распустил движение Мустакбаль и призвал своих сторонников не участвовать в предстоящих выборах. Вместе с тем, общественные деятели, некогда составляющие движение, и сегодня находятся в парламенте и участвуют в общественно-политической жизни.

7 Caesar Act (Акт о защите гражданского населения Сирии имени Цезаря; Caesar Syria Civilian Protection Act) — закон США, подразумевающий наложение санкций на лиц и компании, оказывающие поддержку правительству

Илл. 3. Курс доллара США по отношению к ливанской лире с июня 2019 г. по январь 2024 г.

Источник: Lirarate.org.

Fig. 3. US Dollar to Lebanese Lira Exchange Rate since June of 2019 to January of 2024

Source: <https://lirarate.org/>

также заключением ливанским правительством соглашения с поставщиками энергетического сырья в лице Иордании и Египта. Тем не менее ливанцы все еще вынуждены страдать от продолжительных отключений электричества. В настоящее время подача электричества государственной электроэнергетической компанией *Electricité du Liban* (EDL) составляет 3–4 часа в день [Khzam, 2024], однако еще в январе 2023 г. следовали заявления официальных лиц о дорогостоящих планах увеличения электрического обеспечения до 10 часов в день [Lebanon to take... 2023]. Усугубляется это и тем, что жители зачастую не имеют понятия, когда именно начнется подача электричества, выпадающая на ранние утренние или поздние ночные часы. Появляется информация и о том, что подача электричества EDL увеличивается до 6–10 часов [Tsagas, 2024], однако подавляющее большинство населения все же вынуждено мириться с катастрофической нехваткой государственной электроэнергетики.

Частные дизельные генераторы, владельцы которых долгие годы компенсируют эту нехватку на коммерческих началах, также становятся все более недоступными для населения из-за их ограниченности и высоких цен на топливо (тарифы на государственное электричество также выросли).

В условиях стагнации конфессионально поделенная политическая элита страны пыталась отстоять авторитет хотя бы перед своей общиной. К примеру, Хезболла договаривалась с Тегераном о прямых поставках иранского мазута в Ливан [Chehayeb, 2021]. В то же время договороспособность лидеров общин в отношении сложностей общенационального масштаба серьезно страдала. Представители разных сегментов политического класса были заняты риторическими пикировками, цель которых состояла в перебрасывании ответственности за социально-экономический коллапс. До сих пор по многим вопросам общины не могут снискать

президента Б. Асада. В отношении Ливана закон в том числе ограничивал поставки энергетического сырья из Сирии, Египта и Иордании, поскольку единственно возможный транзитный маршрут из этих стран также пролегает через Сирию.

понимание друг у друга, что усугубляет проявления многовекторного кризиса.

Наиболее насущной политической проблемой последнего времени является невозможность договориться о кандидатуре будущего президента. В октябре 2022 г. истек срок президентских полномочий Мишеля Ауна, некогда лидера Свободного патриотического движения, ныне возглавляемого его зятем Д. Басилем. Президент, избираемый в Ливане парламентом, должен стать компромиссной фигурой, ввиду отсутствия большинства в Палате депутатов у ливанских политических сил и коалиций. До сих пор, спустя дюжину заседаний (последнее проходило в июле 2023 г.), общины не могут прийти к консенсусу относительно фигуры нового президента.

Политический кризис оброс и внешнеполитическим измерением: сформировался иностранный квинтет (группа государств, состоящая из Египта, Катар, Саудовской Аравии, США и Франции), признавший серьезность создавшегося положения и выступающий с совместными заявлениями о необходимости скорейшего избрания президента и сближении позиций разных сил. После июльского заседания, не принесящего успеха, пятерка стран выступила с заявлением о том, что против саботирующих процесс избрания президента ливанских политиков и групп будут введены меры давления [Five Nation Group on Lebanon... 2023].

Кризис государственного управления усугубляется и отсутствием согласия между общинами в отношении выбора нового главы Генерального штаба ливанской армии. Обострение палестино-израильского конфликта стало дополнительным фактором, проверяющим запас прочности ливанской государственности. Так, из-за взаимных ракетных обстрелов между Хезболлой и Израилем страдают южные области Ливана. Замечание о присутствии в стране 1,5 млн сирийских [UNHCR, 2021] и от 170 тыс. [Lebanon Conducts First-Ever Census... 2017] до 475 тыс. [Lebanon, 2023] палестинских беженцев, находящихся в специализированных лагерях и

требующих внимания ливанских властей, стало общим местом.

КОНФЕССИОНАЛИЗМ: ЗЛО ИЛИ БЛАГО

Один из важнейших вопросов в отношении сложившейся в Ливане системы звучит так: является ли конфессионализм оптимальным решением в условиях гетерогенного ливанского общества или же это всего лишь удобный предлог, чтобы держать властные элиты в страхе стать «материалом для переработки» в ходе установления меритократии?

Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным. Российский дипломат в Ливане А. А. Керимов, приводя социологические выкладки, считает, что поддержка конфессионально устроенных политических сил в стране весьма существенна, а значит существует и высокая степень солидарности с конфессиональной системой страны в целом. В среде мусульман высок процент людей, политические пристрастия которых определяются конфессиональными мотивами, в отличие от христиан, уделяющих большее внимание содержанию политической программы. Исследователь замечает, что на фоне недовольства уровнем благосостояния все же обнаруживается тенденция к появлению «надсегментных ориентаций» в среде ливанского общества [Керимов, 2021, с. 375–376].

У нас нет оснований говорить о едином подходе к оценке конфессиональной системы общественным сознанием страны. При этом на уровне общепринятой официальной риторики конфессионализм видится как анахронизм. Намеренное или стихийное консервирование существующего положения играет на руку влиятельнейшим кланам, которые укрепились как наиболее важные акторы политической жизни страны.

Важно остановиться на положительных фактах, которые несет конфессионализм в Ливане. Очевидно, что представленность основных

групп в исполнительной власти, особое право вето и общинная автономия помогают гарантировать, что ни одна из крупных групп не станет настолько могущественной, чтобы угрожать основным интересам другой.

Вопреки частому мнению о противоборстве между общинами, в действительности мы можем наблюдать их тесное сотрудничество в широком спектре областей. Так, ливанские шииты партии Хезболла и движения Амаль уже давно находятся в тесном контакте со Свободным патриотическим движением, где основной силой выступают представители маронитской общины. Внутри мусульманской уммы Ливана шииты и сунниты, несмотря на существующие противоречия, находят взаимное понимание, подтверждением чему выступают совместные успешные действия формирования Хезболлы и ливанской армии по обороне от экстремистов района Эрсаль на ливано-сирийской границе [Сарабьев, 2019а, с. 94–95].

В конце концов, гражданский мир в Ливане на протяжении 30 лет является также демонстрацией того, что существующий формат политического процесса все же, по меньшей мере, не дает возможности ливанскому «дому» с глубокими «трещинами» обрушиться. Действительно, периодически на внутривосточной сцене Ливана можно наблюдать отдельные эксцессы с применением насилия как во время бейрутских событий 2008 г. или в период гражданской войны в Сирии, однако сама по себе система за счет выработанных механизмов самосохранения продолжает жить. А. В. Сарабьев, не умоляя и негативных проявлений, отмечает поразительную устойчивость системы и способность «старых элит» к самовоспроизводству [Сарабьев, 2019а, с. 91].

О вызовах и недостатках конфессионализма говорить намного легче, так как даже публичная позиция ливанских элит на ее счет весьма неодобрительна. Сложившаяся концентрация власти в руках кланов (Жмайели, Франжье, Караме, Джумблаты, Арсланы), создавших политические организации вождистского типа [Керимов, 2021, с. 373], становится проблемой для гибкости позиций общин по тем или иным вопросам общест-

венной жизни. Так кланы, стоящие «у руля», бывают статичными в области собственных политических предпочтений, чего можно было бы избежать при постоянном обновлении элит внутри общин, что естественным образом положительно повлияло бы на договорной потенциал представителей истеблишмента, принадлежавших разным общинам. Клановость внутри общин ведет к «клиентализму и подавлению индивидуальных свобод» [Керимов, 2021, с. 373].

Кроме того, справедливым будет поднять вопрос о коррупции, которая прослеживается на примере бизнес-структур, аффилированных с той или иной общиной. Наладив отношения с тем или иным правящим кланом, они получают новые возможности для своей компании. Опора страны на конфессиональные элиты тормозит запуск институализированных процессов, способных решать хотя бы споры в таких областях, как полиция, армия и судебная система; они обычно решаются прямым вмешательством элиты. Конфессиональная автономия ставит гражданские процессы (брак, развод, некоторые судебные вопросы) под юрисдикцию общины, дробящей важнейшие социальные процессы, в очередной раз выстраивая конфессиональные границы размежевания. Представляется, что реальное отсутствие единообразия даже на уровне неполитизированных сфер во многом ограничивает пространство для маневра обычного ливанца, что в целом приводит к необходимости ухода от конфессионализма как главного принципа политической жизни страны.

Многие факты указывают на формирование в Ливане конфликта двух идентичностей: общинной и общегосударственной. В конце концов, ситуация отягощается проблемой внешнеполитической ориентации конфессиональных общин, которая также оказывает определенное влияние на внутреннюю политику Ливана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный ливанский кризис, в сущности, плоть от плоти проблемы конфессионализма.

Небывалая до сих пор утрата доверия к политическому классу отражает уровень отчаяния ливанского народа, который долгие годы видел в нем гарантию представленности собственных жизненно важных интересов. Это отнюдь не означает, что система конфессионализма сама по себе деструктивна и неспособна к надлежащему эффективному функционированию. При других обстоятельствах она, вероятно, продолжала бы, пусть и обладая определенными отрицательными проявлениями, поддерживать как межконфессиональный мир, так и относительную социально-экономическую стабильность, о чем свидетельствует период с начала 90-х до 2019 гг. Тогда система пережила и трехгодичный президентский вакуум (2013–2016 гг.), и кризис законодательной власти (продление депутатских полномочий парламентариев в 2009–2018 гг.), и крупномасштабные нападения со стороны Израиля и экстремистских группировок.

Тем не менее в условиях одного из худших экономических кризисов с 1850-х гг., согласно экспертам Всемирного банка [The World Bank in Lebanon, 2021], прежние подходы к оценке сложившейся политической системы утрачивают свою актуальность. Теперь кажется, что конфессионализм с присущей ему отчужденностью элит от чаяний населения представляет собой основной фактор незрелости и неэффективности государственных институтов. Несмотря на исторические предпосылки становления системы, длительный процесс ее формирования, включающий периоды внутренней трансформации под давлением внешних условий и исторического контекста, конечным результатом стал катастрофический всесторонний кризис.

Присущие конфессионализму принципы выстраивания системы государственного управления, институализированные процедуры и неформальные практики оказались компромиссными и приемлемыми лишь в качестве временного решения до введения будущей неконфессиональной системы, которая по конституции должна была прийти на смену. Однако, стремящиеся сохранить свое доминирующее

положение элиты фактически отказались от перехода к новой политической реальности, не сделав никаких практических шагов в сторону реализации конституционной цели. Консервация установившихся процедур, как уже упоминалось, не раз «буксовавших» и приводящих даже к параличу отдельных ветвей власти, вылилась в то, что в состоянии временного субститута конфессионализм потерпел фиаско. Он не смог создать эффективную технократическую бюрократию, где назначения на значимые посты не зависели бы лишь от принадлежности к общине и внутриобщинных связей; не сформировал и действенные механизмы оперативного решения внезапно возникающих противоречий, которые бы предотвращали президентские и правительственные кризисы.

В последнее время мы можем наблюдать некоторый подъем антисистемных, оппозиционных к традиционному истеблишменту сил: в результате выборов 2022 г. в парламенте появились т. н. «Силы перемен» — 13 независимых депутатов, которые в свою очередь представляют протестное движение 17 октября 2019 г. Несмотря на то, что такое количество независимых избранников для ливанского парламента ситуация из ряда вон выходящая, в лагере диссидентов нет единства по вопросам актуальной повестки. Так, блок не смог заявить о поддержке единого кандидата на президентское кресло. Антисистемные силы еще слишком плохо организованы для того, чтобы бросать реальный вызов элите, поэтому вопрос будущего конфессионализма нельзя считать предрешенным. Сегодня перед «страной кедров» стоят насущные проблемы стабилизации внутривнутриполитической и внутриэкономической ситуаций. Выводить Ливан из кризиса, вероятнее всего, придется все той же элите.

Не до конца ясно, получится ли у политикума запустить этот процесс, в очередной раз не заметив запроса на трансформацию конфессионализма и не предпринимая реальных попыток, если не демонтировать систему, то хотя бы существенным образом ее преобразовать. Но в таком случае успешный выход из кри-

зисной фазы чреват возникновением нового кризиса по прошествии некоторого времени, вызванного теми же системными причинами. По нашему мнению, главный вопрос, устремленный в будущее Ливана, состоит именно в том, будет ли истеблишмент нещадно биться за доминирующее положение или сможет свыкнуться с изменившимися обстоятельствами и попытается создать предпосылки для того, чтобы занять относительно выгодные позиции уже в новой системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алексеев Н., Медведева А. «Новой “арабской весны” не случится»: почему Ливан захлестнула волна протестов. *RT*. 2019 [Alekseev N., Medvedeva A. “There Will Be No New Arab Spring”: Why Lebanon Was Overwhelmed by a Wave of Protests. *RT*. 2019 (in Russian)]. URL: <https://ru.rt.com/ej/z> (accessed 17.01.2024).

Беляев Д. 2020 год оказался очень тяжелым для Ливана. А потом в порту Бейрута случился взрыв. *TASS*. 2020 [Belyaev D. 2020 Turned out to Be a Very Difficult Year for Lebanon. And Then There Was an Explosion in the Port of Beirut. *TASS*. 2020 (in Russian)] URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9164921> (accessed 25.01.2024).

Воробьев С. А. Долгое эхо бейрутского взрыва. *Международная жизнь*. 2021. № 9. С. 8–19 [Vorobyov S. A. Long Echo of the Beirut Explosion. *International Affairs*. 2021. No. 9. Pp. 8–19 (in Russian)].

Воробьев С. А. Кризисы в Ливане: история и современность. *Международная жизнь*. 2020. № 6. С. 112–127 [Vorobyov S. A. Crises in Lebanon: History and Modernity. *International Affairs*. 2020. No. 6. Pp. 112–127 (in Russian)].

Керимов А. А. Консоциальная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития. *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 364–378 [Kerimov A. A. Consociational Democracy in Lebanon: Modern Challenges and Development Prospects. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2021. Vol. 23. No. 3. Pp. 364–378 (in Russian)].

Кузнецов А. А. К обострению социально-экономического кризиса в Ливане и его политическим

последствиям. Ч. 1. *Институт Ближнего Востока*. 2019a [Kuznetsov A. A. Towards the Aggravation of the Socio-Economic Crisis in Lebanon and its Political Consequences. Pt. 1. *Middle East Institute*. 2019a (in Russian)] URL: <http://www.iimes.ru/?p=61139> (accessed 20.01.2024).

Кузнецов А. А. К развитию ситуации в Ливане. *Институт Ближнего Востока*. 2020 [Kuznetsov A. A. On the Development of the Situation in Lebanon. *Middle East Institute*. 2020 (in Russian)] URL: <http://www.iimes.ru/?p=66064> (accessed 25.01.2024).

Кузнецов А. А. *Политический процесс в Ливане на рубеже XX–XXI веков*. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2017. 224 с. [Kuznetsov A. A. *Political Process in Lebanon at the Turn of the 20th–21st Centuries*. Moscow: Institute of the Middle East, 2017. 224 p. (in Russian)].

Кузнецов А. А. Ситуация в Ливане: декабрь 2019 г. *Институт Ближнего Востока*. 2019b [Kuznetsov A. A. The Situation in Lebanon: December 2019. *Middle East Institute*. 2019b (in Russian)]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=65786#more-65786> (accessed 24.01.2024).

Наумкин В. В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета*. 2015. Т. 7. № 25. С. 66–96 [Naumkin V. V. Deeply Divided Societies of the Near and Middle East: Conflictness, Violence, External Interference. *Bulletin of the Moscow University*. 2015. Vol. 7. No. 25. Pp. 66–96 (in Russian)].

Сарабьев А. В. Ливан: обыкновенная «консоциальная демократия» в региональном контексте. *Вестник МГИМО-Университета*. 2019а. Т. 12. № 4. С. 89–112 [Sarabiev A. V. Lebanon: an Ordinary “Consociational Democracy” in a Regional Context. *Bulletin of MGIMO University*. 2019a. Vol. 12. No. 4. Pp. 89–112]

Сарабьев А. В. Покой нам только снится: новые протесты против нового правительства в Ливане. *Дискуссионный клуб «Валдай»*. 2020 [Sarabiev A. V. We Can Only Dream of Peace: New Protests Against the New Government in Lebanon. *Valdai Discussion Club*. 2020 (in Russian)] URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pokoy-nam-tolko-snitsya/> (accessed 23.02.2024)

Сарабьев А. В. «Вскипает, как волна»: ливанская социальная проблематика в океане политики. *Дискуссионный клуб «Валдай»*. 2019b [Sarabiev A. V.

“Boils Up Like a Wave”: Lebanese Social Problematics in the Ocean of Politics. *Valdai Discussion Club*. 2019b (in Russian) URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vskipaet-kak-volna-livanskaya-sotsialnaya-problema/> (accessed 26.01.2024).

Щегловин Ю. Б. О развитии политической ситуации в Ливане. *Институт Ближнего Востока*. 2019 [Shcheglovina Y. B. On the Development of the Political Situation in Lebanon. *Institute of the Middle East*. 2019 (in Russian)] URL: <http://www.iimes.ru/?p=62039> (accessed 19.01.2024).

Baumann H. Lebanon’s Economic Crisis Didn’t Happen Overnight. So How Did It Get to This Point? *Washington Post*. 2019. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2019/10/22/lebanons-economic-crisis-didnt-happen-overnight-so-how-did-it-get-this-point/> (accessed 27.01.2024).

Bogaards M. Formal and Informal Consociational Institutions: A Comparison of the National Pact and the Taif Agreement in Lebanon. *Nationalism and Ethnic Politics*. 2019. Vol. 25. No. 1. Pp. 27–42.

Chehayeb K. Hezbollah-brokered Iranian fuel arrives in crisis-hit Lebanon. *Al Jazeera*. 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/9/16/first-shipment-hezbollah-iranian-fuel-arrives-lebanon> (accessed 27.01.2024).

Five Nation Group on Lebanon Says to Penalise Those Obstructing Presidential Election. *Reuters*. 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/five-nation-group-lebanon-says-penalise-those-obstructing-presidential-election-2023-07-17/> (accessed 29.01.2024).

Guelke A. *Politics in Deeply Divided Societies*. Cambridge: Polity Press, 2012. 178 p.

Harris W. *Lebanon: A History, 600–2011*. New York: Oxford University Press, 2012. 360 p.

Irish J., Pennetier M. Lebanon Wins Pledges Exceeding \$11 Billion in Paris. *Reuters*. 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-lebanon-economy-france/lebanon-wins-pledges-exceeding-11-billion-in-paris-idUSKCN1HD0UU/> (accessed 24.01.2024).

Khraiche D. Lebanon’s Gas Stations to Close to Protest Dollar Shortages. *Bloomberg*. 2019. URL: <https://www.bnnbloomberg.ca/lebanon-s-gas-stations-to-close-to-protest-dollar-shortages-1.1317245> (accessed 18.01.2024).

Khzam R. B. Lebanon’s solar revolution. *Executive Magazine*. 2024. URL: <https://www.executive-magazine.com/special-report/lebanons-solar-revolution> (accessed 27.01.2024).

Lebanon Conducts First-Ever Census of Palestinian Refugees. *The Jordan Times*. 2017. URL: <http://www.jordantimes.com/news/region/lebanon-conducts-first-ever-census-palestinian-refugees> (accessed 29.01.2024).

Lebanon to Take \$116 Million in Loans to Solve Electricity Crisis. *Anadolu Agency*. 2023. URL: <https://www.aa.com.tr/en/economy/lebanon-to-take-116-million-in-loans-to-solve-electricity-crisis/2791009> (accessed 27.01.2024).

Lebanon. *United Nations Relief and Works Agency for Palestine Refugees in the Near East*. 2023. URL: <https://www.unrwa.org/where-we-work/lebanon> (accessed 29.01.2024).

Lijphart A. Consociational Democracy. *World Politics*. 1969. Vol. 21. No. 2. Pp. 207–225.

Lijphart A. *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*. New Haven: Yale University Press, 1977. 260 p.

Protests in Lebanon’s Capital over Worsening Economic Crisis. *Abram Online*. 2019. URL: <https://english.ahram.org.eg/News/351789.aspx> (accessed 18.01.2024).

Scheffler T. Lebanon. D. Nohlen, F. Grotz, Ch. Hartmann (eds.). *Elections in Asia and the Pacific: A Data Handbook*. Vol. I. *Middle East, Central Asia, and South Asia*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 776 p.

The Lebanese Constitution Promulgated May 23, 1926, with Its Amendments. *Presidency of the Republic of Lebanon*. 1995. URL: www.presidency.gov.lb/English/LebaneseSystem/Documents/Lebanese%20Constitution.pdf (accessed: 22.01.2024).

The World Bank in Lebanon. *World Bank*. 2021. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/lebanon/overview#:~:text=The%20Spring%202021%20Lebanon%20Economic,US%2423.1%20billion%20in%202021> (accessed 30.01.2024).

Tsagas I. Lebanon introduces peer-to-peer renewable energy trading. *PV Magazine*. 2024. URL: <https://www.pv-magazine.com/2024/01/02/lebanon-introduces-peer-to-peer-renewable-energy-trading/> (accessed 23.02.2024).

UNHCR Lebanon: Fact Sheet. *United Nations High Commissioner for Refugee*. 2021. URL: <https://reliefweb.int/report/lebanon/unhcr-lebanon-fact-sheet-september-2021#:~:text=Attachments&text=Lebanon%20remains%20the%20country%20hosting,14%2C815%20refugees%20of%20other%20nationalities> (accessed 29.01.2024).